
П.А. КРУШЕВАН И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ: МОЛДАВАНИН ИЛИ РУССКИЙ НАЦИОНАЛИСТ?

И.П. Шорников

Кафедра истории Приднестровской Молдавской Республики
Институт истории, государства и права
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
ул. Горького, 110б, Тирасполь, 3300

В статье рассматривается национальная идентичность российского консерватора начала XX в., писателя и журналиста, молдаванина П.А. Крушевана, выступавшего на политической арене как русский националист. Он, показано автором, был сторонником молдавской национальной традиции и деятелем молдавского национального движения. В то же время Крушеван являлся «имперским националистом» и российским государственным деятелем. Исходя из интересов бессарабских крестьян, он разоблачал экономическую деятельность «плутократии», но был чужд бытовому антисемитизму.

Ключевые слова: Крушеван, антисемитизм, молдавский традиционализм, «имперский национализм», Бессарабия.

В начале XX в. социальные, экономические и политические проблемы Российского государства обострились, а национальный вопрос стал одной из движущих сил революционного движения. Пытались использовать его и деятели государственно-охранительного лагеря. Одним из наиболее известных из них был бессарабский писатель и журналист Павел Александрович Крушеван. К его голосу, звучавшему на собраниях и съездах «Союза Русского Народа», публикуемому на страницах газет и альманахов, прислушивались не только политические единомышленники, но и оппоненты, он участвовал в формировании общественных представлений о путях урегулирования межэтнических и этногосударственных отношений в стране. Поэтому его взгляды на национальный вопрос представляют особый научный интерес.

Характеризуя условия, в которых сформировались взгляды П.А. Крушевана по национальному вопросу, отметим полиэтничность Бессарабии. Согласно Всероссийской переписи 1897 г., в губернии проживали 1 933 436 жителей. Половина населения, 47,6%, были молдаванами, 19,6 – малорусами (украинцами), 8 – великороссами (русскими), 11,8 – евреями, 5,3 – болгарами, 3,1 – немцами, 2,9 – гагаузами. Еще сложнее была структура городов. 37,2% горожан составляли евреи, 24,4 – русские, 15,8 – малороссы, 14,2 – молдаване. Более 80% жителей губернии являлись православными, а 9% – иудеями; имелись также русские старообрядцы, католики, протестанты, армяно-грегориане (1).

К молдаванам царская власть относилась так же, как к великороссам и другим православным подданным, доля чиновников-молдаван в государственной администрации даже превышала долю молдаван среди населения, и национально-конкурентных условий, порождающих национализм и крипто-этничность, не существовало.

Одной из загадок П.А. Крушевана является его национальное самосознание. Дело в том, что он, молдаванин, публично выступал как русский националист. К русскому народу апеллировал он в своих статьях, его интересы, по его собственному мнению, отстаивал. «Крушеван – отметил румынский историк Николае Йорга, побывавший в Бессарабии в 1906 г., – «молдаванин», и он написал статью «Дойна», в которой оплакивает кончину нашего народа. С другой стороны, он русский...» (2). С каким этносом он себя действительно идентифицировал?

Крушеван не был этническим конформистом. Он гордился своей принадлежностью к роду молдавских бояр. Дед и отец, разоряясь, по существу превратились в крестьян, поэтому Крушевану пришлось около десяти лет добиваться признания своей принадлежности к потомственному дворянству (3).

Ему удалось документально подтвердить принадлежность своих прапрадеда Федора Крушевана и прадеда Андрея к молдавскому боярству, а следовательно, и собственный статус потомственного дворянина. В 1904 г. его принадлежность к потомственному дворянству была признана Сенатом Российской Империи (4).

П.А. Крушеван прекрасно владел родной молдавской речью (5). Как деятель молдавского национального движения, он внес свою лепту в обновление исторической памяти молдавского народа, опубликовав цикл статей, посвященных истории бессарабских монастырей (6), краеведческие очерки, посвященные городам Бессарабии – Кишиневу, Аккерману, Бендерам, Оргееву, Бельцам, Сорокам, Хотину, Измаилу, Болграду, Килие, Рени, Кагулу, Вилкову, Тузлам, включенные в большую статью «Краткие исторические сведения о городах Бессарабской губернии» (7).

С любовью к молдаванам написан им этнографический очерк «Из молдавских народных песен, стихов и поговорок», включающий «Песни героические», «Песни хоцкие» (т.е. разбойничьи, гайдуцкие. – *И.Ш.*), «Любовные песни», «Колыбельные песни молдаванки», «Свадебные стихи», «Пословицы и поговорки» (8).

Бессарабский публицист 30-х гг. XX в. Теодор Поручик усматривал доказательство молдавской идентичности П. Крушевана в самом факте публикации им в книге «Бессарабия», изданной в 1903 г. в Москве, поэмы в прозе «Дойна» с собственным прочувствованным комментарием (9).

Приведем выдержку из этой поэмы, свидетельствующей о любви автора к молдавскому народу: «Слыхали ли вы когда-нибудь «Дойну», нашу бессарабскую народную песню, такую заунывную, полную такой бесконечной тоски? Минор тянется в ней долго-долго, то нарастая, то замирая и теряясь далеко-

далеко... Кажется, будто где-то, на просторе необозримых Новороссийских степей, эхо откликается на эту жалобную песнь, вторя каждой ее нотке... Кажется, будто чья-то душа молит об отклике в этой безнадежной пустыне – и все вокруг мертво, и никто не откликается на беспомощный призыв... Но вот грустная песня обрывается... ее вдруг сменяет бурное *allegro*... Захватывающим вихрем радости пронесится мажор, наполняя душу надеждой» (10).

В начале XX в. в Бессарабию зачастили румынские эмиссары. Они пытались внушать молдаванам мысль об их принадлежности к «румынскому роду» и об «отсталости» молдавского языка по сравнению с румынским.

Под лозунгом права наций на самоопределение, отмечал бессарабский автор в 30-е гг., они распространяли идею о том, что «все национальности должны отделиться от России и образовать независимые государства» (11).

Молдаване Бессарабии ценили Российское государство как ограждение молдавской национально-культурной самобытности. По словам молдавского поэта того времени Алексея Матеевича, они не желали превращения своего языка в «какой-то новолатинский язык» (12).

Опора на высокую русскую культуру освобождала молдаван от навязываемых им румынизаторами комплексов собственной культурной «отсталости». Знание русского языка молдаване ценили как окно в мир, возможность доступа к огромному пласту современной культуры, которой не располагали румыны. Поэтому П.А. Крушеван одобрительно относится к распространению среди молдаван знания русского языка, усматривая в этом акт просвещения народа, а не его «русификации» (13).

Россия была для молдаван их государством, полем деятельности и родиной, которую надлежит любить и защищать.

За весь XIX в., констатировал в 30-е гг. XX в. историк-молдаванин Александр Болдур, в Бессарабии не возникло ни одного оппозиционного Российскому государству молдавского политического объединения (14). «Почти век после присоединения к России, – признал даже враг России литератор Пантелеймон Халиппа, – в Бессарабии не отмечено ни одного случая проявления сепаратистских тенденций. Наоборот, даже местная администрация может подтвердить, что молдаване очень лояльны, поскольку они преданны российскому трону настолько, что трудно сопоставить их в этом отношении с другими национальностями России» (15).

В годы, когда в Польше, Балтийских губерниях, Финляндии, на Кавказе формировались националистические движения, в Бессарабии сепаратистских тенденций не возникло. Однако революция создала для идеологической интервенции Румынии особо благоприятные условия. После публикации Манифеста 17 октября 1905 г. с задачей создать ядро прорумынской националистической партии в Кишинев прибыл из Румынии писатель-эмигрант Константин Стере. Эмиссар располагал денежными средствами и репутацией революционера, но молдавская интеллигенция не желала сотрудничать с румынским эмиссаром. Газету «Басарабия» ему удалось создать только то-

гда, когда к этому делу, исходя из собственных видов, подключилась агентура охранки (16).

Читательским спросом газета не пользовалась, но, выпуская ее, К. Стере подбирал кадры для формирования «пятой колонны» Румынии.

Молдавские традиционалисты оценили угрозу, создаваемую насаждением идеологии румынизма. «В Бессарабии, – отмечал впоследствии К. Стере, – все элементы общества, независимо от этнического происхождения, воплощавшие этот национализм, находились в лагере противников румынской национальности». Первым среди таких деятелей эмигранта назвал П.А. Крушевана (17).

Редактор газеты «Бессарабец» выступил против намерений группы про-румынских националистов учредить в Бессарабии румынские школы и отметил роль румынского эмигранта в их активизации (18). Таким же образом поступил и другой *русский* националист – потомок *молдавских* бояр публицист Витольд Якубович. Эмигрант оказался в моральной изоляции. Выпуск газеты «Бессарабия» был прекращен, К. Стере возвратился в Румынию, а затем туда же уехали сотрудники редакции.

Как российский государственный деятель, Крушеван выступал продолжателем молдавской традиции. Об этнополитическом сознании образованных молдаван начала XX в. можно судить по публичному выступлению депутата Государственной думы молдаванина П.Н. Крупенского. В 1909 г., в приветственной речи на учредительном собрании Всероссийского национального клуба он заявил: «Слава Богу, мы можем теперь громко говорить «мы – русские», и эти слова наполнят наше сердце гордостью. Россия для русских, или, лучше, русские для России...» (19).

Помня о своем молдавском происхождении, идентифицировали себя с русской нацией потомки молдавских бояр Семигратовых (Шаптесате), Якубовичей, Крупенских, Доницей, Лазо и других, писатель и политик В.Ф. Лашков. Для них, как и для большинства русских людей, русским являлся православный человек русской культуры и патриот Государства Российского. «Эти элементы, – отмечал Константин Стере, – сделали из Бессарабии «питомник зубров», который давал царской России корифеев абсолютизма, руководителей “Союзов истинно русских” и командиров “черных сотен”. Из их среды, вопреки их молдавскому происхождению, поднялись пламенные *русские* националисты, которые назывались Крушеван, Пуришкевич, Крупенский или Кассо» (20).

Проявления национальной вражды к какому-либо народу как таковому в литературном творчестве и публицистике Крушевана отсутствуют. Вряд ли укладывались его воззрения и в триаду С.Д. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность». «Народность» Крушеван трактовал как «нацию». Эпиграфом к своей книге «Что такое Россия» (Кишинев, 1897) Крушеван выбрал слова Эрнеста Ренана: «Нация есть дух, отвлеченный принцип. Два обстоятельства порождают этот дух, этот отвлеченный принцип: одно – общее обладание наследственными воспоминаниями, второе – действительное

согласие, желание жить вместе. Нация есть великая солидарность как результат священных чувств к принесенным жертвам и тем, кои будут принесены в будущем».

Молдавский патриот, он был также деятелем русской культуры. Он не просто творил на русском языке как журналист, он был русский писатель, мастер русского слова. По-русски он говорил свободно, грамматически правильно и без акцента. Его художественная проза тематически и идейно всецело находится в русле русской литературы. Романы «Разоренное гнездо», «Счастливее всех», «Призраки», «Дело Артабанова», «Миллионы» отражают российские и бессарабские реалии.

Русский национализм Крушевана заключался в том, что главной политической задачей, которой он подчинял всю свою деятельность, была для него консолидация русской нации. Он выступал против всего того, что, по его мнению, мешало такой консолидации (21). Интересами России, как показала его деятельность в Государственной Думе, монархист Крушеван считал все-таки интересы не династии Романовых, а русского народа (22).

Социальные явления он оценивал исходя из государственных интересов России.

Русских функционеров он уличал в недостаточном знании бессарабских условий и неумении отстаивать интересы дела перед коллегами-молдаванами, эксплуатирующими этнический аргумент в своих корыстных интересах.

Функционеров-молдаван обвинял в лихоимстве и небрежении казенными интересами. Эти чиновники, отмечал он, «из пристрастия обнаруживая корыстолюбие свое на каждом шагу и особенно безобразным требованием мест по службе – не почетных, но более выгоднейших». Цель этих конационалов он определял бескомпромиссно: не служение обществу, а «постыдное обогащение и присвоение незаслуженных достоинств, ко вреду государства и всего человечества» (23).

Подобно многим землякам, в происходившем в начале XX в. в западных губерниях России ослаблении экономических и политических позиций русской нации П.А. Крушеван усматривал угрозу государству Российскому. Поэтому он, молдаванин, стал одним из идеологов «Союза Русского Народа», а молдаванин П.А. Крупенский – одним из лидеров *русских* националистов в Государственной думе. «В интересах родного *русского* народа...» выступал в Думе и молдаванин Василий Лашков (Лашку). Все они, а также бессарабец с польскими корнями В.М. Пуришкевич, бессарабский депутат греческого происхождения П.А. Синадино, еврей В.А. Грингмут и И.Я. Гурлянд, соответственно лидер Русской Монархической партии и руководитель Московской организации Союза Русского Народа, некоторые другие деятели проповедовали т.н. «имперский национализм» (24). Русский национализм П.А. Крушевана был национализмом имперским.

Наиболее сложным было отношение П.А. Крушевана к евреям. П.А. Крушеван, отмечает британский историк Норман Кон, «известный ярый антисе-

мит» (25). «Если кто и знает сейчас русского публициста Павла Крушевана, – вторит ему автор биографической справки Роман Ромов, – то разве что как популярного когда-то “жидоеда”...» (26). Заголовок кишиневской газеты гласит: «Зоологический антисемит. Крушеван уже белый и пушистый?» (27). Во всех отмеченных случаях, видимо, подразумевается наличие у бессарабского деятеля расово-биологической вражды к евреям. Но был ли П.А. Крушеван «зоологическим» антисемитом?

В своих литературных трудах П.А. Крушеван высказывается о евреях как народе не без симпатии. В путевых очерках 1895 г. «От Астрахани до Владикавказа» имеется такой отзыв о горских евреях: «Совсем молодцы. Какой-то странный и непонятный каприз ассимиляции. С христианами они не пошли дальше сюртука европейского покроя, а здесь, говорят, совсем слились с горцами, переняв не только их костюмы, но и обычаи, и мужество» (28).

В романе «Миллионы» главного героя окружают иноэтничные разорители, но губительную роль в его жизни играет не еврей, а армянин.

Позднее еврейский компонент в ответе Крушевана на вопрос «Кто виноват?» усиливается. В его рассказах помещика-молдаванина разоряет еврей-арендатор, крестьянину-молдаванину отказывает в помощи еврей-шинкарь, детей-гимназистов опутывает долгами еврей – торговец фруктами.

Наряду с армянами и греками Крушеван упоминает евреев как причину дворянского оскудения и в других литературных публикациях. «Старинные дворянские фамилии, – рассуждает он в путевых заметках “По Бессарабии”, – беднели, а на пепелище дворянских гнезд вырастали миллионные состояния темных личностей, разных евреев, греков и армян. Хозяйство велось хищнически (29). Но даже в этих произведениях Крушевана евреи представлены как люди «ловкие»: трезвые, предприимчивые, способные к солидарной деятельности.

К началу XX в. в собственности дворян находилась четвертая часть (945 тыс. десятин, почти 26%) земельных угодий Бессарабии. Многие помещики, не желая заниматься организацией производства и сбыта продукции, сдавали свои земли в аренду. У арендаторов арендовали землю крестьяне. При этом арендаторы резко, иногда в два-три раза, повышали плату за аренду. Крестьяне были вынуждены отдавать арендаторам две трети урожая (30).

Под влиянием субаренды быстро шел процесс люмпенизации крестьян. В 1903 г. шестая часть крестьян Бессарабии были безземельными, а в Яловенской волости, охватывающей Кишинев с запада и севера, – даже 22,4%, почти четверть крестьян (31). Помещики-молдаване разорялись, их имения скупали кредиторы. «За четверть века, – отметил в одном из своих рассказов 1902 г. П.А. Крушеван, – чуть ли не девять десятых коренных бессарабских помещиков сменились пришлыми людьми» (32).

Социальные противоречия обретали этноконфессиональное содержание. «Молдаване, – пишет он в заметках “По Бессарабии”, – смотрели на смену людей в барской усадьбе, почесывая затылки. Прежний «боер», ка-

кой-нибудь Исаченко, Боереско или Домати, был ближе к нему, больше входил в его положение, наконец, – это был свой; теперешний боер – Сруль Мошкельзон, Карапет Ангоп или грек Панаити – совсем чужды ему; он видел их за стойкой в шинке, они с этого начали; теперь ему приходится ломать перед ними шапку, говорить им «барин», зная в то же время, что они его не пощадят, что выжмут все соки. Молдаванин остался в стороне от своего нового барина – и нигде, может быть, нет большей пропасти между барской усадьбой и деревней, между помещиком и крестьянином, как здесь» (33).

Крупнейшими арендаторами были греки братья Синадино. Уплачивая владельцам по 100 тыс. руб. в год, они, сдавая землю крестьянам, выручали по 240 тыс. руб. (34). Но большинство арендаторов составляли евреи. 232 тыс. десятин (6,3% всего земельного фонда губернии) принадлежали купцам, большей частью также евреям. Таким образом, эксплуатация на селе обрела национально-конфессиональное измерение. Кроме того, евреи составляли почти половину (45,9%) населения губернского центра – Кишинева (35). При этом возрастание численности евреев произошло в Бессарабии быстро, в основном в 80–90-е гг. XIX в., вследствие их иммиграции из Польши и Австро-Венгерской империи (36).

Массовому сознанию молдаван трудно было смириться с установлением контроля внезапно разросшегося меньшинства над экономической жизнью. В 90-е гг. XIX в. отношения молдавских крестьян с евреями, прежде толерантные, стали ухудшаться. Крушеван уловил эту тенденцию. «В настоящее время, – отметил он в 1903 г., – евреи завладели в Бессарабии торговлей и промышленностью, что отражается угнетающе на интересах христианского населения края. Многие из них арендуют имения (в обход закона) и под охраною помещиков, которые показывают их своим приказчикам, притесняют далеко уступающих им в уме и изворотливости поселян. Деморализующее влияние мелких торговцев-евреев весьма велико в губернии, особенно в северной и средней ее части. Они имеют в своих руках капиталы, а, следовательно, почти всю промышленность края, и являются монополистами в торговле» (37).

О роли евреев в эксплуатации крестьян Бессарабии некоторые современники Крушевана высказывались более резко. Философ В.В. Розанов написал хлесткую статью о положении крестьян села Сахарна (38), а идеолог Всероссийского Национального Союза В.Ф. Лашков выразился так: «В среде бюрократии много нерусских элементов, для которых чужда Россия и все русское. Это средостение между народом и царем должно быть постепенно заменено выразителями взглядов народа, и нерусские элементы не должны иметь более доступа в эту среду... Дети коренного народа, получившие образование специальное, желающие применить свои силы [в] родной губернии, должны идти искать хлеба в другие губернии, а ненавидящие Россию армяне, жидаы и польская шляхта заполнили все места по земству... Пора,

господа, подумать о своих, довольно пригреть змею, которая относится к русским не только как к «гоям», а как к «псовой крови»!...» (39).

Однако ни названных, ни других деятелей правого лагеря в «диком антисемитизме» никто не обвинял. Очевидно, репутация Крушевана как зоологического антисемита сложилась под влиянием общественных представлений о его роли в провоцировании Кишиневского погрома 1903 г.

Сам Крушеван обвинения во вражде к евреям как народу отрицал. По свидетельству Н. Иорги, если его спрашивали о евреях, Крушеван отвечал, что «он ничего не имеет против евреев, что он любит евреев» (40). Хорошо знавший Крушевана руководитель еврейской общины Кишинева врач М.Б. Слуцкий его вражду к евреям объяснял социальными мотивами: «Были ли Крушеван убежденным антисемитом? Думаю, что – нет. В начале своей публицистической деятельности он проявил себя либералом и нередко выступал в защиту евреев». Позднее, полагал доктор М.Б. Слуцкий, «Крушеван убедился, что быть реакционным и антисемитским публицистом – дело доходное: он попал в центр внимания не только местных, но и петербургских “охранников”, он стал чем-то, тираж его издания заметно вырос» (41).

В действительности государственной поддержки Крушеван не получал, царская юстиция неоднократно привлекала его к суду, а газеты «Бессарабец» он, в конечном счете, лишился за долги. «Издание правой газеты, – признавал его политический единомышленник владелец газеты «Друг» Витольд Якубович, – дает только ущерб» (42).

Курс «Бессарабца» восстановил против Крушевана еврейскую общественность России, и это обстоятельство создавало ему совершенно неожиданные трудности. Так, по свидетельству его сотрудника С. Глебова, уже в 1902 г., т.е. задолго до Кишиневского погрома, когда Крушеван переехал в Петербург, еврейские организации осложнили ему наем жилья, представляя его как «сумасшедшего цыгана» (43).

Таким образом, версия о корыстной заинтересованности Крушевана в ведении антиеврейской пропаганды остается недоказанной.

«Союз Русского Народа», чьим деятелем был Крушеван, свои отношения с евреями, как и с представителями других народов, строил на политической, а не на расово-биологической основе. Среди руководителей и лиц, активно поддерживающих Союз, наряду с молдаванами Крушеваном, Крупенским и Булацелем, греком Синадино, наиболее известными были евреи Грингмут, Гурлянд, Демянович, немцы Каульбарс, Левендаль, Энгельгардт, Плева, Пеликан, генерал Ранд, граф Доррер, Рихтер-Шванебах, Лауниц и др.

В СРН входили также великороссы, антисемитизмом никак не запятанные: представители русской аристократии Урусов, Мещерский, Шереметьев, Гагарин, иерархи церкви архиепископ саратовский Гермоген, волынский Антоний, ученые-историки Д.И. Иловайский, А.Н. Никольский, А.А. Майков, сын поэта. Даже кишиневского деятеля СРН Г.А. Пронина, к которому относился гораздо более отрицательно, чем к Крушевану, не счи-

тал антисемитом М.Б. Слуцкий. «Что сказать о другом погромном агитаторе, Пронине? Юдофобствовал ли он по убеждению? Отнюдь нет. Уже потому, что у него вообще не было никаких убеждений» (44).

На воззрения Крушевана по национальному вопросу оказало влияние дело об убийстве купца Ойзера Диманта дворянином Вадимом Бутми де Кацманом, крещеным евреем, владельцем имения в селе Цаул Сорокского уезда. Летом и осенью 1895 г. это дело бурно обсуждалось в бессарабской печати.

Трагедия произошла в родных местах Крушевана, в помещичьей среде, описанной им в романе «Миллионы», а ее фигурантов он знал лично. Димант представлял собой новый тип кредитора – ростовщика-разорителя. До Бутми он разорил помещиков Стамати, Ботезата и других. Поскольку бессарабская общественность была настроена против Диманта, судебное разбирательство было перенесено в Херсон. Однако защитник Н.П. Карабчевский, известный либерал, доказал, что при описывании имения Цаул О. Димант вел себя высокомерно и оскорбительно, чем и спровоцировал обвиняемого на убийство. Суд присяжных оправдал В. Бутми (45).

На взгляды Крушевана на экономическую функцию евреев повлияло также знакомство с изданной в 1898 г. книгой родственника Вадима Бутми, петербургского экономиста Г.В. Бутми (барона де Кацмана) «Капиталы и долги», в которой автор доказывал, что еврейский капитал создал такой мировой хозяйственный порядок, который позволяет кучке еврейских банкиров управлять абсолютным большинством человечества (46). Крушеван познакомился с Георгием Бутми и с лета 1903 г. сотрудничал с ним.

В то же время Крушеван опубликовал рассказ «Жид». Вопреки названию, в неблагоприятной роли в нем выступают преимущественно христиане. Впоследствии Крушеван привел отзыв одного читателя, который, по его мнению, лучше других ухватил суть рассказа: «Я нахожу, что, если вникнуть хорошенько, рассказ вовсе написан в пользу евреев. Он ярко и объективно рисует весь ужас и трагизм еврейского вопроса, со всей его правдой... Автор, решившись написать такой рассказ, очевидно – искренне протестует против несправедливости и гонений, жертвами которых были евреи, протестует, как каждый культурный человек, возмущающийся всяким диким насилием. Но... он, видимо, не может мириться и с теми грубо-утилитарными перспективами, которые человечеству сулит господство современной плутократии, во главе с еврейством, завоевывающим мир при помощи “золотого тельца”...» (47).

Осуждение плутократии трудно трактовать как проявление антисемитизма. Чужд был Крушевану и бытовой антисемитизм. Редактор «Московских ведомостей» еврей В.А. Грингмут был его другом. В Государственной думе Крушеван охотно общался с депутатами-евреями из фракции трудящихся, с которыми у него оказались общие позиции. Корректные личные отношения поддерживал он с доктором М.Б. Слуцким и со многими кишиневскими евреями.

О Крушевине, как и о его друге и однопартийце И.Я. Гурлянде, можно утверждать: он выступал не «против евреев», но против активного участия евреев в революции (48). Крушеван вновь и вновь утверждал, что арендаторы многократно увеличивают степень эксплуатации крестьянства. «Вы, защитники народа, – обратился он 12 марта 1907 г. к депутатам Государственной думы, – частью не знаете, а частью, может быть, умалчиваете о том рабстве, которое угнетает прежде всего крестьян». Раскрыв механизм субаренды, он заключил: «Ни одно хозяйство не выдержит этого гнета. Вот откуда идет это движение, так называемое аграрное, которое, в сущности, имеет другой смысл – закабаление народа его эксплуататорами, среди которых главную роль играют евреи (*смех, шум*)» (49).

Тезису либералов о врожденном «антисемитизме» христиан Крушеван противопоставлял столь же ложное положение о «руссофобии» евреев. Он обвинял евреев в провоцировании Кишиневского погрома и в разжигании революции.

«Ожесточение евреев против русских, – утверждал он, – до того велико, что еврейская масса, не отдавая себе отчета, не задумываясь над всем, чем рискует, дает волю чувству стихийной ненависти, накопившей веками» (50). «Последние три года, – писал Крушеван в газете «Знамя» за сентябрь 1903 г., – еврейские агитаторы излюбили Бессарабию, и в особенности Кишинев, и своими подпольными прокламациями усиленно подготавливали трудящийся мирный, отчасти ленивый народ к неповиновению властям, к забастовкам – одним словом, к дебошу и убийству». Якобы революционеры подстрекали евреев Кишинева к активным действиям. 7 апреля 1903 г., утверждал он далее, «евреи стреляли в русских, евреи били кольями по чему попало, наносили раны ножами и обливали лица серной кислотой – и все это проделывали над мирными и невооруженными обывателями Кишинева». По мнению Крушевана, именно вызывающее поведение евреев спровоцировало христиан на ответные действия (51).

В этом Крушеван не был оригинален. Известный еврейский историк С. Дубнов вообще обвинял евреев-революционеров в национальной измене (52).

Но российская общественность была на стороне жертв, а не погромщиков. Указания Крушевана на социально-экономические причины розни не могли быть ею приняты как оправдание кровопролития. Фундаментальная ошибка Крушевана заключалась в том, что вину за действия революционеров, – чья принадлежность к еврейству, кстати, не всегда была доказана, – он возлагал на все еврейского сообщества. Подобные утверждения становились даже причиной судебных исков против него (53). Однако и в пылу полемики Крушеван, следует признать, не прибегал к оскорблениям расово-биологического характера.

Вряд ли обоснованно и мнение о том, что Крушеван пропагандировал насилие по отношению к евреям. В его рассказе «Волки» убийство шинкаря-

еврея крестьянином-молдаванином представлено как преступление, совершенное в приступе безумия, «как во сне, в страшном сне», ужасное и бессмысленное деяние. Описание убийства дано почти теми же словами, как гибель ребенка несколькими секундами позднее: крестьянин замахнулся топором и ударил, и «услыхал, как что-то хряснуло». А, убегая от волков, несчастный убийца слышит «писк, беспомощный, жалобный писк дитяти... Слышалось как хрустят косточки» (54). Авторское осуждение убийства шинкаря категорично, завершающий рассказ крик «Все мы волки!.. Волки! Волки! Волки!» – выражает и оценку Крушеваном обоих деяний и как бы уравнивает их в степени их преступности.

Осуждает автор и убийство, описанное в романе «Миллионы». Еврей – слуга помещика-молдаванина – крадет у хозяина миллион фальшивых рублей. Разъяренный помещик стреляет в слугу, но убийство, призванное предотвратить социальное крушение главного персонажа, принуждает его к поступкам, завершающим его нравственную катастрофу (55). Отличие от трактовки убийства, данной в рассказе «Волки», заключается в том, что преступными представлены оба персонажа – и убийца, и жертва. То обстоятельство, что в качестве жертвы избран еврей, противоречит тезису об антисемитизме Крушевана.

Не находим апологии насилия и в крушевановской публицистике. В газетах «Бессарабец» и «Друг» не было напечатано ни одного призыва к погрому. Крушеван неоднократно заявлял о своем неприятии любых насильственных действий: «...я никогда не менял моих убеждений по еврейскому вопросу... Ничто не мешает быть антисемитом и в то же время быть врагом всяких насилий и попыток разрешить еврейский вопрос путем насилий, погромов и т.п.» (56).

Описывая крестьянское восстание 1907 г. в Румынии, Крушеван указывает на его социально-экономическую причину – распространение еврейской аренды, – но устроенные бунтовщиками погромы осуждает, приводя ужасающие подробности оргии грабежа и вандализма: «Крестьяне в числе около 2000 въехали в город [Ботошаны] с порожними ящиками, бочками и т.д. для помещения в них благоприобретенного добра. Вооруженные ломami и топорами, они входили в дома [евреев], уничтожали все, что нельзя было захватить с собою, и забирали все прочее, укладывали в ящики и бочки, а то и прямо в подводы, и спокойно уезжали домой». Затем последовала вторая волна грабежа, и третья, когда погромщики уничтожали мебель и разрушали дома евреев.

В итоге, отметил автор, «три четверти города с населением в 27 000 душ представляют сейчас груды развалин». Более чем в 200 деревнях, читаем далее, уничтожено все еврейское имущество, а «крестьяне продолжают опустошать усадьбы и врываются в города, где с помощью городской черни грабят и разрушают еврейские дома». Погромщиков автор именует пьяными дикарями (57).

П.А. Крушеван был молдаванин, деятельный защитник молдавской национальной идентичности и российский государственный деятель. На политической арене он выступал как «имперский националист». Однако национальных привилегий ни для молдаван, ни для русских он не требовал. Ошибкой Крушевана являлась абсолютизация им роли арендаторов-евреев в эксплуатации крестьян и участия евреев в революционном движении, однако к евреям как религиозному и этническому сообществу он относился корректно. Воззрения П.А. Крушевана по национальному вопросу были широко распространены в российском обществе начала XX в. Их влияние на его политическую деятельность требует специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Берг Л.С.* Бессарабия. Страна–Люди–Хозяйство. – Кишинев, 1993. – С. 75.
- (2) Цит. по: *Colesnic Iu.* Basarabia necunoscuta. – Chisinau, 2000. – P. 32.
- (3) *Ibid.* – P. 28, 29.
- (4) Подробно см.: *Шорников И.* Национальная идентичность П.А. Крушевана // Покровские чтения. – Тирасполь, 2007. – Кн. 9.
- (5) См.: *Бабилунга Н.В.* Барометр показывает бурю // *Viața Basarabiei.* – 1937. – № 7. – С. 132.
- (6) См.: Бессарабия. Географический, исторический, этнографический, литературный и справочный сборник. Издание газеты «Бессарабец» / Под ред. П.А. Крушевана. – М., 1903.
- (7) Там же. – С. 205–240.
- (8) Там же. – С. 241–251.
- (9) *Viața Basarabiei.* – 1937. – № 7.
- (10) Бессарабия... – С. 287.
- (11) Цит. по: *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. – Тирасполь, 2007. – С. 203.
- (12) *Mateevici A.* Opere. Scrieri in limba rusa. – Chisinau, 1993. – Vol. 2. – P. 29.
- (13) Бессарабия... – С. 141.
- (14) *Boldur A.* Istoria Basarabiei. – Chisinau, 1992. – P. 385.
- (15) *Halippa Pan., Moraru A.* Testament pentru urmasi. – Chisinau, 1992. – P. 129.
- (16) *Шорников П.М.* Молдавская самобытность... – С. 204–208.
- (17) *Stere C.* Documentari politice. – Chisinau, 2002. – P. 490, 491.
- (18) Друг. – 6 января 1906 г. Цит. по: *Viata romaneasca.* – 1906. – Vol. I. – P. 130, 131.
- (19) *Voierimea Moldovei dintre Prut și Nistru.* – București, 1943.
- (20) *Stere C.* Documentari politice. – Chisinau, 2002. – P. 490, 491.
- (21) *Степанов А.* Крушеван Павел (Паволакый) Александрович (15[27]. 01.1860–5[18].06.1909), писатель, публицист и общественный деятель // *Русская литература.* Сер. «Большая энциклопедия русского народа». – М., 2004 // <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=4545&abc=1>
- (22) Подробнее см.: *Шорников И.* П.А. Крушеван в Государственной думе: «Консервативный бомбист» или «Христианский социалист»? // *Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории.* – Ставрополь–Пятигорск, 2008. – Вып. 10. – С. 348–363.

- (230) Бессарабия... – С. 118, 119.
- (24) *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. – М., 2001. – С. 58, 228.
- (25) *Кон Н.* Благословение на геноцид: Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». – М., 1990. – С. 15.
- (26) *Ромов Р.* «Консервативный бомбист» в русском парламенте // *День литературы.* – 2000. – № 7–8 (37–38).
- (27) Еврейское местечко. – Кишинев. – 2004. – № 32 (53).
- (28) Бессарабия... – С. 167.
- (29) Там же. – С. 327–329.
- (30) *Шемяков Д.Е.* Очерки экономической истории Бессарабии эпохи империализма. – Кишинев, 1980. – С. 52.
- (31) Там же. – С. 63.
- (32) Бессарабия... – С. 310.
- (33) Там же. – С. 327–329.
- (34) Там же. – С. 53.
- (35) *Табак И.В.* Особенности расселения евреев в Бессарабии и Левобережье Днестра в XIX – начале XX в. // *Евреи в духовной жизни Молдовы.* – Кишинев, 1997. – С. 161–162.
- (36) *Джадж Э.* Пасха в Кишиневе: анатомия погрома. – Кишинев, 1998. – С. 38–40.
- (37) Бессарабия... – С. 187.
- (38) Литературная учеба. – 1992. – № 1–3. – С. 114–115.
- (39) Цит. по: *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. – М., 2001. – С. 256, 257.
- (40) Цит. по: *Colesnic Iu.* Basarabia necunoscuta. – P. 32.
- (41) *Слуцкий М.Б.* В скорбные дни. Кишиневский погром 1903 года. – Кишинев, 1930. – С. 43.
- (42) *Якубович В.В.* На суд общества. Пучина лжи и подтасовок. – Кишинев, 1910. – С. 6.
- (43) Друг. – 1909. – № 175.
- (44) *Слуцкий М.Б.* В скорбные дни... – С. 46.
- (45) *Карабчевский Н.П.* Речь в защиту Бутми де Кацмана // http://law.vl.ru/analit/all_a.php?range=5
- (46) *Платонов О., Степанов А.* Наследник славянофилов. К 150-летию со дня рождения Г.В. Бутми // <http://www.rv.ru/content.php3?id=6187>
- (47) Бессарабец. – 1902. – № 34.
- (48) *Кожин В.* Черносотенцы. – М., 2004. – С. 211.
- (49) Друг. – 1907. – № 72.
- (50) Знамя. – 10 сентября 1903 г.
- (51) *Платонов О.* Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против Христианской цивилизации. – Кн. 5. – Ч. I, II // <http://www.rus-sky.org/history/library/plat5-2.htm>
- (52) *Степанов С.* Черная сотня. – М., 2005. – С. 42.
- (53) См. подробно: *Шорников И.П.* Павел Крушеван и царская юстиция // *Общественная жизнь Приднестровья.* – Тирасполь. – 2006. – № 2. – С. 26, 27.
- (54) Бессарабия... – С. 303, 304.
- (55) Там же. – С. 390.
- (56) Друг. – 1905. – № 59. – С. 2.
- (57) Друг. – 1907. – № 70.

VIEWS OF P.A. KRUSHEVAN ON THE NATIONAL PROBLEM IN RUSSIA: MOLDAVIAN OR RUSSIAN NATIONALIST

I.P. Shornikov

Department of History of Transnistrian Moldavian Republic
Institute of History, State and Law
Transnistrian State University, T.G. Shevchenko
Gorky Str., 110B, Tiraspol, 3300

The article deals with the national identity of P.A. Krushevan. Being of Moldavian nationality, he was a Russian conservative writer and journalist. At the beginning of the 19th century he served as a Russian nationalist in the political arena. The author shows that he was a supporter of Moldavian national traditions and a personality of the Moldavian national movement. At the same time Krushevan was an «imperial nationalist» and a Russian statesman. In behalf of Bessarabia peasants, he exposed the economic activity of «plutocracy», but he was a stranger to domestic anti-Semitism.

Key words: Krushevan, anti-Semitism, Moldavian traditionalism, «imperial nationalism», Bessarabia.